

О СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ МЕННОНИТОВ

В статье выдвигается тезис о том, что идентичность меннонитов Российской империи была подвержена медленной трансформации, фактором которой стало постепенное вытеснение абсолютного приоритета религии из общественного сознания. Скрытая меннонитская секуляризация обозначилась в 1905–1917 гг., когда в меннонитстве выделилась фракция «меннонитов по культуре», отошедших от веры. В советское время самоидентификация изменялась под прессом идеологии, но формы мировоззрения «меннонитства по культуре», наряду с «меннонитством по вере», сохранились. В этой связи уточнения требует концепция меннонитства как этноконфессиональной общности, которая не учитывает мировоззрения «меннонитства по культуре».

Ключевые слова: меннониты, идентичность, секуляризация, этноконфессиональная общность.

У статті наведено тезу про те, що ідентичність менонітів Російської імперії була схильна до повільної трансформації, фактором якої стало поступове витіснення абсолютного пріоритету релігії з суспільної свідомості. Прихована менонітська секуляризація визначилася в 1905–1917 рр., коли в менонітстві виділилася фракція «менонітів з культури», що відійшли від віри. За радянських часів самоідентифікація змінювалася під натиском ідеології, але форми світогляду «менонітства з культури», поряд з «менонітством за вірою», збереглися. У зв'язку з цим уточнення потребує концепція менонітства як етноконфесійної спільноти, яка не враховує світогляду «менонітства з культури».

Ключові слова: меноніти, ідентичність, секуляризація, етноконфесійні спільнота.

Die These wird aufgestellt, dass die mennonitische Identität der Mennoniten im Russischen Kaiserreich einer stetigen Transformation unterlag, infolge deren die absolute Priorität der Religion aus dem gesellschaftlichen Selbstbewusstsein verdrängt wurde. Die latente mennonitische Säkularisation trat 1905–1917 mit der Etablierung des Kultur mennonitentums in Erscheinung, das sich von dem Glauben abgewendet hat. In der Sowjetzeit geriet die mennonitische Selbstidentifikation unter den Druck der Ideologie, den sowohl das Kultur mennonitentum als auch seine konfessionelle Ausprägung überlebten. Aus diesem Grund bedarf einer Revision das Konzept des Mennonitentums als einer ethnokonfessionellen Einheit.

Schlüsselworte: Mennoniten, Identität, Säkularisierung, Ethnokonfessionelle Einheit.

The main these of the article is that Mennonite identity in Russian Empire was the subject to a progressive transformation with a gradual displacement of the absolute priority of religion within the public consciousness by secular matters.

For Mennonites, fragmented identity became a norm in mid-16th century combining irreconcilably groups like Frisian and Flemish. In Russia, the fragmented confessional identity remained a norm even if the opposing group names changed from Frisian and Flemish to mainstream Mennonites and Mennonite Brethren. Even the linguistic identity marker – the *Plautdietsch* dialect – was subjected to a slow change: in the last mother colony, Alexandertal, founded 1859, the dialect was not imparted to children anymore.

Even if Mennonites were allowed within the colony frames to build their society after their own patterns, the suppression of the confessional component by a secular one began early with the forced introduction of administrative self-government. At the same time, the increasing role of education reduced the share of confessional influence. Secularization understood as displacement of religion from the community became visible first in the educational sphere. In the end of 19th century, respected and successful teachers were forgiven their abstinence from religion. At this time, the fourth Mennonite generation in Russia could choose their ideals being priorities of self-identification, from five different areas: Church, administration, education, business, and agriculture.

The prominent Russian Mennonite Benjamin Unruh described the developments among Mennonites as shift from cult to culture.

The latent Mennonite secularization became visible during and after the Russian Revolution of 1905–1907. In the following decade, within the compound Mennonite identity an exclusively cultural segment was established that rejected religion while a strong religious component still existed.

The extreme conditions of World War I and the Civil War served as a secularization indicator and accelerator. The fundamental Mennonite confessional identity marker, nonresistance, became blurred. The Mennonite society spanned a wide spectrum from Tent Mission martyrs to killed *Selbstschutz* members.

In Soviet times, the Mennonite self-identification came under the pressure of ideology. The purges of 1937–1938 took away the Mennonite intelligentsia who traditionally formed the identity of the new generation. The deportation and war mobilization destroyed the remnants of the identity shaping environment of a colony and formed a new diaspora geography. The new Mennonite generation grew up with a minimal idea of Mennonite specific matters.

The only space where Mennonite identity could survive where family and church. So the confessional component of identity became significant again, sometimes at the expense of ethnicity.

Keywords: Mennonitism, identity, secularization, ethno-confessional community.

23 августа 1804 г. 30 членов меннонитской общины села Нейенхубен близ Данцига покинули родные места. Двумя месяцами позже они добрались до Хортицы. Причина их эмиграции состояла в следующем: в Пруссии, «поруганном Вавилоне», они не видели никаких надежд на «очищение храма», а старшина городской общины Данцига позволял своей общине слишком много свободы [9, с. 106]. Российская империя представлялась им страной-убежищем, в которой еще можно было сохранить истинную веру. Через несколько лет, в 1812–1816 гг., руководитель этой группы переселенцев Клаас Реймер основал Малую общину на Молочной, в которую первоначально входило всего 18 или 20 семей [9, с. 108]. Остальные общины и на Молочной, и на Хортице по своему составу были значительно большими.

Реймер и его немногочисленные сторонники искали в России прежде всего убежища от «обмирщения». Для них отход совокупного меннонитского сообщества от веры в Пруссии в начале XIX в. был вполне свершившимся событием. Другими словами, они бежали от секуляризации как вытеснения традиционных религиозных норм из жизни своего сообщества. Правда, вместе с ними в ту же самую Российскую империю переселялись множество других меннонитов, которые также опасались за свои традиционные религиозные ценности и, прежде всего, за постулат непротирвления и отказа от оружия, но при этом они не разделяли взглядов Реймера.

Идентичность переселившихся меннонитов не была монолитной с самого начала. Цельная и сплоченная для постороннего наблюдателя конфессиональная группа на самом деле состояла из нескольких фракций. Самые большие из них, фризы и фламандцы, на старой нидерландской и прусской родине стойко противостояли друг другу со второй половины XVI в. Возникновение Малой общины на Молочной лишь подтверждает тезис о фракционности меннонитской идентичности. Идентичность как инструмент разграничения по линии «свой – чужой» приносила порой неожиданные результаты.

Идентичность меннонитов в Российской империи никогда не была константой. Она постоянно, хотя и медленно, изменялась. Примером может служить ее религиозная составляющая: противостояние между фризами и фламандцами, казавшееся в Пруссии непреодолимым, в Российской империи в течение одного поколения почти рассеялось, уступив место другим конфликтам, самым заметным из которых стала контрверза

между меннонитским мейнстримом и меннонитской братской общиной, открывшаяся в 1860 г.

Изменениям был подвержен даже языковой маркер идентичности: в то время как меннонитство почти повсеместно отождествлялось с диалектом «платтдойч», в последней материнской меннонитской колонии Александрталь, основанной в 1859 г., детям этот вариант языка уже не прививали [10].

Таким образом, вместе с трансформацией меннонитского сообщества [15] плавно изменялась и меннонитская идентичность.

Вектор и скорость трансформации идентичности в Российской империи долгое время кардинальным образом определялся жизнью в этнически, лингвистически и конфессионально обособленных колониях, что оказалось уникальным явлением во всемирном меннонитстве – только в России меннонитам представилась возможность строить свое сообщество по собственным лекалам. И это при том, что в стране их происхождения – Нидерландах и в других европейских странах общество, принимающее их, оказывало на конгрегации более мощное влияние.

При всем этом и в России нерелигиозная компонента в меннонитском сообществе постепенно и постоянно росла. Переселенцы первого поколения быстро смирились с тем, что параллельно с церковными структурами авторитета и власти были выстроены местное административное самоуправление. Параллельно тем же церковным структурам действовала и система образования, ставшая гордостью меннонитов и находившаяся под церковным влиянием, но не подчинявшаяся церковным старшинам напрямую. Реформа образования 1880-х гг. еще более удалила область образования от сферы конфессионального влияния.

Секуляризация, как вытеснение религии из общества, набирала силу и в недрах меннонитского сообщества. Первые признаки меннонитской секуляризации появились в сфере образования. Обычно школьные преподаватели играли заметную роль в церковной жизни; их часто выбирали в церковные старшины. Вместе с тем к концу XIX ст. авторитетным и успешным педагогам уже прощали их дистанцирование от церкви. Примером может служить Абрам Нейфельд (1862–1909) – студент Берлинского университета и выпускник историко-филологического факультета Одесского университета, талантливый преподаватель русского языка, возглавлявший в 1895–1909 гг. Хортицкую центральную школу. П. М. Фризен весьма осторожно писал о нем:

«Исповедующим верующим, в нашем понимании, [он] не был, но он был «богоискателем»» [9, с. 618].

К концу XIX ст. четвертое поколение меннонитов в Российской империи могло выбирать себе идеал, и вместе с ним приоритеты самоидентификации, по меньшей мере, из пяти сфер: церковной, административной, педагогической, предпринимательской и сельскохозяйственной. Вместе с тем меннонитской идентичности без более или менее выраженной конфессиональной принадлежности в то время не существовало: все, как минимум номинально, принадлежали одной из меннонитских общин. Религия была неотъемлемой частью культуры.

Таким же образом обстояло дело и с населением империи в целом. До провозглашения свободы совести в бурные революционные дни 1905 г. в Российской империи следовало исходить из того, что каждый из ее граждан принадлежит одному из религиозных сообществ – православной ли церкви, какой-либо иной конфессии, включая нехристианские. Поворотными пунктами стали императорский указ от 17.04.1905 «Об укреплении начал веротерпимости в России» и еще более Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви 1918 г. После этого конфессиональная принадлежность в империи перестала быть обязательным маркером идентичности.

Едва ли можно утверждать, что провозглашение основных гражданских свобод в революционном 1905 г. послужило началом секуляризации в смысле отхода от религии в Российской империи. Атеисты и агностики в стране существовали и раньше; кроме того, сегодня трудно определить степень укорененности в религии тех или иных групп населения. Вместе с тем в пределах Российской империи религия начала переставать быть обязательным компонентом культуры.

Провозглашение свободы совести имело для меннонитского сообщества далеко идущие последствия: отказ от веры допускался теперь точно так же, как и ее исповедание, а конфессиональная принадлежность выпала из спектра обязательных атрибутов формирования персональной идентичности. После этого агностиков и атеистов менее всего касались вопросы отстаивания конфессиональных привилегий, с которыми вскоре столкнулись меннонитские церковные лидеры [8, с. 141–167].

Беньямин Унру (1881–1959), выдающийся меннонитский деятель российского происхождения, описывает постепенную трансформацию меннонитского общества в Российской империи как переход от культового к культурному сообществу (*von Kultus- zur Kulturgemeinschaft*) [14, с. 55]. Предпосылки к этому он видел в накоплен-

ном меннонитском экономическом потенциале и созданной эффективной системе народного образования. По Унру, выстраивание культурного меннонитского сообщества началось с обретением экономической самостоятельности еще во времена Иоганна Корниса (1789–1948). Следуя Унру, в своей высшей точке развития, к концу Первой мировой войны, меннонитство Российской империи подошло к выделению внутри себя двух групп идентичностей: «меннонитов по культуре» и «меннонитов по вере». Часть меннонитов перестали быть меннонитами в строго конфессиональном смысле этого слова. Конфессионально окрашенные маркеры личной идентичности, и прежде всего отказ от оружия, перестали иметь значение для всего сообщества. Секуляризация, как отход от веры, видоизменила ядро личных убеждений, не затронув оболочки – наименования.

Интегрирующие и представительские функции в меннонитском сообществе продолжали выполнять представители конфессиональной части сообщества; в какой-то мере им ассистировали педагогические работники. Крупные меннонитские конференции после 1917 г. все еще созывались по церковной линии; руководители крупных меннонитских объединений 1920-х годов – Союза граждан голландского происхождения и Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза – были в то же время активными членами меннонитских общин. В то же время они достаточно полно представляли и интересы меннонитов по культуре. Трудности самого различного рода сплотили меннонитство, как никогда ранее, что послужило значительному укреплению меннонитской идентичности в кризисные 1920-е годы.

Экстремальные условия Первой мировой и гражданской войн послужили, с одной стороны, индикатором, а с другой стороны – катализатором секуляризации. Всеобщая конференция меннонитов в Нейгальбштадте 6 - 8 июня 1917 г. [12, с. 396–404] и еще в большей степени Всеобщая конференция в Лихтенау 30 июня – 2 июля 1918 г. [12, с. 404–427] не только подтвердили решимость конфессиональных лидеров к исповеданию отказа от оружия, но и признали право за отдельными членами отдельных общин на иное мнение. Таким образом, важнейший маркер конфессиональной идентичности российских меннонитов утратил свою четкость. Гражданская война в ее совокупности показала, насколько разнородным стало сообщество, носившее имя реформатора из 16-го столетия: в одном конце спектра находились мученики за веру из Палаточной миссии [13, с. 130–136], на другом – убитые участники-добровольцы Самообороны и Белого движения [7, с. 229–233].

Возврата к гомогенному в конфессиональном плане меннонитскому сообществу в 1920-е годы уже не произошло. Меннонитскую самоидентификацию исповедовали и сторонники веры, и ее противники, и религиозно колеблющиеся. Секуляризация оказалась необратимым процессом, а совокупная меннонитская идентичность оказалась культурно окрашенной. На ее содержание стали проектироваться и языковые атрибуты (диалект *платтдойч*), и укрепившиеся за целые поколения жизни в колониях определения «свой – чужой», и принадлежность фамилий к определенному, ранее зафиксированному набору, и нидерландское в далеком прошлом происхождение, и эндогамные браки [5, с. 58.90], и даже элементы традиционной кухни (булочки *твеебак*).

Комбинация меннонитства по происхождению, по вере и по культуре в 1920-е годы была перенесена в Канаду вместе с эмиграцией меннонитской элиты из числа проповедников и педагогов, т.е. тех, кто формировал идентичность молодого поколения. В Канаде секуляризация, как отход от религии, наложилась на языковой сдвиг от немецкого к английскому с постепенной утерей диалекта *платтдойч*. Меннонитскую идентичность по культуре здесь не отвергали и конфессиональные лидеры, которые долгое время определяли вектор развития меннонитского сообщества. Вместе с тем развитие собственной, пусть и небольшой, литературы, в сочетании с набравшей силу периодикой, поддерживали культурную меннонитскую самоидентификацию. Эта тенденция получила новые импульсы с организацией при Виннипегском университете в 1978 г. кафедры меннонитских исследований. Изучение истории меннонитского сообщества и идентичности, в том числе и конфессиональной, происходило здесь в академической манере. Это опять же укрепляло прежде всего культурные компоненты меннонитской самоидентификации.

В конфессиональной части канадского меннонитского спектра в последние десятилетия наблюдается отход от отчетливой самоидентификации в качестве меннонитов в угоду миссионерским устремлениям. Примером могут служить потомки той самой Малой общины, о которой речь шла в начале статьи, которые в большинстве своем в 1874 г. эмигрировали в Канаду и в 1960 г. приняли наименование *Evangelical Mennonite Conference*: в 2017 г. только 21 община из в общей сложности 64 (33%) сохранили в своем названии определение *меннонитский*, в то время как остальные предпочитают конфессионально нейтральные наименования, ожидая притока членов извне.

В СССР путь замены убеждений знаниями и веры культурой в сфере идентичности на этом далеко еще не закончился. Секуляризацию по-

российски до Первой мировой войны с ее более-менее естественным ходом событий сменило «обмирщение по-советски», когда, начиная с 1929 г., вера в срочном порядке была помещена под пресс коммунистической идеологии. Как показывает пример Давида Пеннера, некоторые меннониты по культуре и происхождению даже оказались способными начать войну против одноименного культового сообщества: в начале 1930-х годов он выпустил под псевдонимом А. Рейнмарус две антименнонитские книги [3; 4].

Содержание книг Д. Пеннера, направленных против меннонитской религиозности, выдержанных в стиле типичной для того времени антирелигиозной риторики и не останавливавшихся перед передергиванием фактов, заставляет задуматься над тем, насколько личная позиция Д. Пеннера не противоречила его принадлежности к меннонитскому сообществу. С точки зрения культурно обоснованной идентичности канадских меннонитов, Д. Пеннер вполне вписывается в его контуры: в 2003 г. его краткая биография вошла в сборник о 24 «российско-меннонитских лидерах, которые стремились служить и давать направление своему народу в трудные времена» [11]. Сам же Д. Пеннер, скорее всего, с меннонитством окончательно порвал, считая себя немцем [11, с. 297].

Секуляризация «меннонитов по-советски» сопровождалась несколькими важными обстоятельствами, которые существенно повлияли на формирование идентичности очередного молодого поколения: во-первых, в результате ожесточенной борьбы с религией, начавшейся в 1929 г., и политических по своей природе чисток 1937–1938 гг. старая меннонитская интеллигенция, проповедники и педагоги, традиционно формировавшие идентичность молодежи, была практически полностью уничтожена; во-вторых, депортация и последующая мобилизация в трудовую армию повлекли за собой возникновение совершенно новой географии расселения оставшихся в живых меннонитов в СССР. Эта география имела вид диаспоры, где меннониты, по происхождению ли, культуре ли, либо по конфессии, уже не жили в колониях, а размещались рассредоточено по огромной территории. Компактно, в бывших колониях, в восточной части страны их проживало не так уж много.

Третьим фактором влияния на формирование идентичности было замалчивание истории колоний в системе образования и публикациях – доступных неидеологизированных письменных источников по истории меннонитства в стране практически не существовало. Отметим также, что особо сильное идеологическое давление оказывалось, прежде всего, на подрастающее поколение – уже Д. Пеннер отмечает значительное

количество комсомольцев в меннонитских селах [2, с. 66]. В дальнейшем только церковные общины представляли собой свободное от советской идеологии пространство.

Через два-три года после смерти И. В. Сталина меннониты и их потомки начали создавать свои общины и ходатайствовать об их регистрации в органах власти. В их рядах было немало молодых людей, сумевших противостоять господствующей идеологии, но со значительно ослабленной меннонитской самоидентификацией. Таким путем меннониты опять стали фактором в религиозной жизни страны. На фоне меннонитского конфессионального ренессанса и некоторых послаблений в религиозной политике А. Н. Ипатов сформулировал тезис об этно-конфессиональности меннонитского сообщества [2]. Похоже, что тезис об этно-конфессиональности меннонитов зародился у А. Н. Ипатова при его работе с компактными поселениями меннонитов и их потомков в Оренбуржье, возникшими там в 1892–1893 гг. Часть своей трудовой биографии А. Н. Ипатов провел в Оренбургской области, где в 1961–1970-х гг. он служил в обкоме КПСС и прошёл путь от консультанта до руководителя лекторской группы [1]. В академическом сообществе этот тезис был безоговорочно принят [6]. Тезис А. Н. Ипатова адекватно описывает гомогенную среду меннонитских

сельских общин. В его книге легко можно обнаружить типичные маркеры конфессиональной идентичности меннонитов – от структуры общин до языка и традиций. Вместе с тем схему А. Н. Ипатова нельзя применить к «меннонитам по культуре», каковых в СССР, если исходить из постсоветских реалий, было сравнительно много.

Меннонитская идентичность, как и представления о ней, находятся в процессе непрерывной трансформации. Прошло почти три десятилетия, как меннониты в СССР и их потомки вышли из советского периода изоляции. Подавляющее их большинство переселилось в Германию, где они организовали собственные или же влились в другие общины. Кто-то вернулся к вере предков, кто-то заново открыл для себя свои корни, при этом все же не спешит закрепить свою церковную принадлежность.

Современную идентичность меннонитов российского происхождения становится все труднее вписать в удобные для исследователя этноконфессиональные рамки. Остаются открытыми вопросы, в каком направлении пойдет его дальнейшая трансформация, как долго в условиях глобализации сохранится меннонитская самоидентификация по культуре и происхождению и насколько стабильными окажутся меннонитские маркеры у конфессиональной части сообщества.

Библиографические ссылки

1. Большая биографическая энциклопедия. Ипатов, Александр Николаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/47529/Ипатов (доступ 02.05.2017).
2. **Ипатов, А. Н.** Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности / А. Н. Ипатов. – М.: Мысль, 1978.
3. **Рейнмарус, А., Фризен, Г.** Меннониты (краткий очерк) / А. Рейнмарус, Г. Фризен. – М.: Безбожник, 1930.
4. **Рейнмарус, А., Фризен Г.** Под гнетом религии (немцы-колонисты СССР и их религиозные организации) / А. Рейнмарус, Г. Фризен. – М.: Гос. изд-во, 1931.
5. **Соколовский, С. В.** Меннониты Алтая: история, демография, ономастика / С. В. Соколовский. – М., 1996.
6. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920-1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / А. И. Савин, сост., вступ. и коммент. – Новосибирск: Посох, 2006.
7. **Goerz, H.** The Molotschna Settlement / H. Goerz – Winnipeg: CMBC, 1993.
8. **Friesen, A.** In Defense of Privilege: Russian Mennonites and the State Before and During World War I / A. Friesen – Winnipeg: Kindred Productions, 2006.
9. **Friesen, P. M.** Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennoniti-

10. **Harder, B. J.** Alexandertal Mennonite Settlement (Samara Oblast, Russia) [Electronic resours]. – Access mode: [http://gameo.org/index.php?title=Alexandertal_Mennonite_Settlement_\(Samara_Oblast,_Russia\)](http://gameo.org/index.php?title=Alexandertal_Mennonite_Settlement_(Samara_Oblast,_Russia)) (доступ: 02.05.2017).
11. **Letkemann, P.** David Johann Penner [A. Reinmarus]: A Mennonite Anti-Menno. 1904-1993 / P. Letkemann // Shepherds, Servants and Prophets: Leadership Among the Russian Mennonites (ca. 1880-1960) / Harry Loewen, ed. – Kitchener: Pandora, 2003. – P. 297-311. (Цитата взята с задней обложки книги).
12. Selected Documents: The Mennonites in Russia from 1917 to 1930 / John B. Toews, ed. – Winnipeg: Christian Press, 1975.
13. **Töws, A.** Mennonitische Märtyrer der jüngsten Vergangenheit und der Gegenwart / A. Töws – Winnipeg: Christian Press, 1949.
14. **Unruh, H. B.** Fügungen und Führungen : Benjamin Heinrich Unruh, 1881–1959: Ein Leben im Geiste christlicher Humanität und im Dienste der Nächstenliebe / H. B. Unruh – Detmold: Verein zur Erforschung und Pflege des Russlanddeutschen Mennonitentums, 2009.
15. **Urry, J.** None But Saints: The Transformation of Mennonite Life in Russia 1789-1889 / J. Urry – Winnipeg: Hyperion Press, 1989.